
М.Б. ЛЯЛИН
ПЕПЕЛ
СТАРОГО РОДА
АКАДЕМИЯ
ТОМ 2

Михаил Лялин

Пепел старого рода. Академия

https://litres.ru/74710649
SelfPub; 2026

Аннотация

Его вызвали в Императорскую Академию по Высочайшему повелению. Подписал приказ человек, который убил его семью. Из Академии живыми возвращаются не все, а у последнего Горностаева есть только вторая ступень, дар видеть цифры и привычка проводить ревизию. Тридцать лет назад его прадед нашёл здесь хищение на два миллиона. Через месяц он погиб. Теперь здесь новая проверка.

Содержание

Пепел старого рода. Том 2. Академия 4
Введение 4
Глава 1. Город, который светится 6
Глава 2. Кабинет редких даров 15
Глава 3. Человек без цифр 25
Глава 4. Правда и рычаг 34
Глава 5. Котлеты 44
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Михаил Лялин
Пепел старого рода. Академия

Пепел старого рода. Том 2. Академия

Введение

Воровство живёт там, где темно. Включите свет — и половина воров уйдёт сама.

Илья Горностаев

Два месяца назад Павел Северцев, аудитор из другого мира, очнулся в теле Ильи Горностаева — девятнадцатилетнего последнего наследника угасшего рода. У него было три серебряных рубля, долг на двадцать шесть тысяч и барон-сосед, который пятнадцать лет выкачивал силу из его родового Алтаря через тайный кабель под полом.

Илья развернул чужой насос в обратную сторону. Подал иск на сто пятьдесят тысяч золотых. Победил на Божьем суде мага четвёртой ступени — не силой, а точным расчётом. И

разорил барона до последней ложки.

По пути он узнал три вещи.

Что у него есть редкий дар счётчика: он видит эфир в цифрах — сколько, откуда и куда.

Что его семью убили не из-за политики и не из-за денег. Кровь рода Горностаевых — ключ к Первоисточнику, древней силе, которая спит под Ясенской грядой, прямо под его землёй.

И что за бароном, за гильдией, за подкупленными судьями и наёмными убийцами из «Чёрного ворона» стоит один человек. Светлейший князь Вадим Тарханов, двоюродный брат государя и попечитель Императорской Академии эфирных искусств.

А потом пришло письмо в чёрном конверте. По Высочайшему повелению всякий дворянин с редким даром обязан поступить в Академию. Отказ — лишение дворянства и родовых прав. Подпись — князь Тарханов.

Из Академии, говорят, живыми возвращаются не все.

Илья поехал. Не потому, что у него не было выбора. А потому, что тридцать лет назад его прадед, тоже счётчик, нашёл в бюджете этой Академии хищение на два миллиона. И через месяц погиб.

Теперь в Академии будет новая ревизия.

Глава 1. Город, который светится

Столицу Илья увидел ночью.

Экипаж выехал из леса на холм, дорога пошла вниз, и вдруг весь горизонт впереди загорелся. Не огнями — светом. Ровным, голубовато-серебристым, похожим на тот, что горел в бойнице башни Горностаевых, только в тысячу раз больше. Он поднимался над рекой, над крышами, над шпилями, отражался в низких облаках и делал ночь похожей на ранние сумерки.

— Петрополь, — сказал Марк с козел. Он редко говорил без нужды, но здесь, видимо, решил, что нужда есть. — Сорок два родовых Алтаря в черте города. Плюс казённые. Плюс Хранилище Академии. Говорят, ночью его видно за сто вёрст.

Илья смотрел и не мог насмотреться. Его второе зрение, проснувшееся два месяца назад, никогда не видело ничего подобного. Над городом висели цифры — не отдельные, а целые облака цифр, слои, потоки. Эфир тёк по улицам, как вода по трубам. Сходился в узлы. Расходился лучами. Где-то пульсировал ровно, где-то рвано, где-то почти не двигался — будто кровь в теле огромного зверя, у которого одни сосуды здоровы, а другие давно забиты.

А в центре, на острове посреди реки, было пятно. Огромное, яркое, плотное — и над ним цифра, от которой у Ильи

на мгновение перехватило дыхание.

«Хранилище Императорской Академии. Запас: 41 200 000 мер».

Сорок один миллион. Почти в десять раз больше, чем барон Кручинин украл за пятнадцать лет.

И ещё одна строчка, мелкая, едва заметная, — такие Илья научился ловить краем глаза, как ловят опечатку в длинном отчёте:

«Расхождение с заявленным: не определено».

Не «нет расхождения». «Не определено». Его дар не мог сравнить, потому что не знал, сколько должно быть. Пока не знал.

Рыжая, лежавшая у него в ногах, подняла голову, посмотрела на город и тихо, недовольно заворчала.

— Согласен, — сказал ей Илья.

Императорская Академия эфирных искусств занимала весь Гранитный остров — узкий, длинный, с отвесными берегами, будто вырубленный из одной скалы. Через реку к нему вели два моста. Главный — широкий, парадный, с бронзовыми фонарями. И второй — узкий, железный, у самой воды, по которому возили грузы.

В день приёма у главного моста стояла очередь из экипажей. Гербы на дверцах, лакеи на запятках, сундуки на крышах. Княжеские дети, графские, баронские. Над многими Илья видел цифры — третья ступень, четвёртая, даже пятая

у некоторых. И почти у всех — толстые, яркие нити, тянущиеся к родовым Алтарям, к семьям, к покровителям.

Экипаж Горностаевых — купленный в губернии, крепкий, но без всякого лоска, с наспех нарисованным на дверце горностаем — встал в конец очереди.

— Илья Всеволодович!

Он обернулся. Вдоль очереди, придерживая шляпку, к нему почти бежала Вера Арсеньева. За ней, едва поспевая, семенила пожилая дама в лиловом — тётка, с которой Вера ехала в столицу.

— Вы живы, — сказала Вера, останавливаясь у дверцы. — Я уже начала думать, что вас съели волки. Или «Вороны».

— Волков не встречал. «Ворон» у меня на козлах.

Марк чуть повернул голову и вежливо коснулся шляпы. Тётка Веры посмотрела на него с подозрением.

— Я поступаю на общий курс, — быстро говорила Вера, понизив голос. — Нас расселяют в Северном корпусе. А вас, я узнала, — в Восточном. Там «Кабинет редких даров». Туда селят всех, кого прислали по особому повелению. — Она помолчала. — Илья, про Восточный корпус говорят… разное.

— Например?

— Например, что оттуда чаще всего отчисляют. По здоровью. — Она посмотрела ему в глаза. — И что попечитель лично курирует каждого студента Кабинета.

— Значит, мы скоро познакомимся, — сказал Илья.

Приёмное испытание проходило в Круглом зале.

Зал действительно был круглым — огромным, под стеклянным куполом, сквозь который падал серый зимний свет. В центре на постаменте стояла сфера из прозрачного хрусталя размером с человеческую голову. Вокруг неё — полукругом — длинный стол, за которым сидела приёмная комиссия: пятеро профессоров в синих мантиях.

Абитуриентов вызывали по одному. Каждый подходил к сфере, клал на неё ладонь, и сфера вспыхивала. Цвет показывал природу дара. Яркость — силу. Над сферой вспыхивали цифры, которые секретарь записывал в толстую книгу.

Илья стоял в толпе и смотрел. Не на сферу — на комиссию.

Профессор в центре — старик с белой бородой до середины груди, сгорбленный, с удивительно живыми глазами. Над ним: «Ступень седьмая. Запас: 22 000 мер». Ректор Академии, Карл Иванович Ферзен, — Илья знал это имя из бумаг Немирова. Ревизор упоминал его вскользь: «Ферзен — честный человек. Но старый. И давно ничего не решает».

И это было видно. От ректора тянулись нити — тонкие, вялые, немногочисленные. А от профессора справа от него, полного, гладко выбритого, с моноклем, — десятки. Толстые, плотные, ко всем в зале. И одна — фиолетово-чёрная, холодная. На запад. То есть — в глубину острова, туда, где, как знал Илья, находились покои попечителя.

«Профессор Аполлинарий Скворцов, проректор по осо-

бым дарам», — прочитал Илья в списке, вывешенном у входа. Человек Тарханова. Скорее всего.

За столом позади комиссии, отдельно, сидел ещё один человек. Худой, лет двадцати пяти, в студенческом мундире старшего курса, с тетрадью на коленях. Он не смотрел на сферу. Он смотрел на абитуриентов. По очереди, по одному, внимательно — и что-то записывал.

Над ним Илья увидел: «Ступень третья. Дар: счётчик».

Илья замер.

Другой счётчик. Здесь. Сейчас. Смотрит на абитуриентов, как Илья сам смотрел на гостей на вечере у предводителя. И записывает.

Счётчик почувствовал взгляд. Поднял голову. Их глаза встретились через весь зал.

Над Ильёй, он знал, сейчас тоже горели цифры. Видные только таким, как они двое.

Счётчик старшего курса медленно, очень медленно опустил глаза в тетрадь и что-то записал. Долго. Подробно.

— Горностаев, Илья Всеволодович! — выкликнул секретарь.

Пока он шёл к сфере, по залу прокатился шёпот. Имя было на слуху. Газеты писали о Божьем суде в Верхнеясенске, о разорённом бароне, о мальчишке, который «победил четвёртую ступень бухгалтерией». В «Столичном вестнике» даже поместили карикатуру: тощий юноша в очках на счётах

верхом гонится за толстым бароном с мешком эфира.

Очков Илья не носил. Но карикатура ему понравилась.

Он положил ладонь на сферу.

Хрусталь был холодным. Потом — тёплым. Потом внутри что-то шевельнулось, и сфера начала светиться. Ровным серебром. Таким же, как Алтарь.

Над сферой вспыхнуло: «Ступень первая».

Кто-то в зале хихикнул. Первая ступень на приёме в Академию — это было почти неприлично. Таких не принимали. Если бы не особое повеление.

А затем сфера мигнула. Серебро сменилось чем-то другим — переливчатым, многоцветным, словно внутри хрусталя кто-то рассыпал горсть мелких цифр. Они кружились, складывались в столбцы, рассыпались снова.

«Дар: счётчик. Класс: особый».

И ещё строчка. Которую, как понял Илья, видел не весь зал, а только он сам — и, может быть, тот, другой счётчик за столом:

«Печать: семикольцевая. Снято колец: 1 из 7».

Сфера знала. Знала про печать деда. Про шесть оставшихся колец. И сейчас эта информация, наверное, записывалась куда-то — в книгу секретаря, в тетрадь счётчика старшего курса, в отчёт для попечителя.

Илья не дал себе подумать. Он сделал то, что делал в нотариальной конторе, на дороге в лесу, в круге Божьего суда. Он посмотрел на сферу внимательно. Как на систему. Как на

механизм.

Сфера была накопителем. Очень сложным, очень тонким — но накопителем. Она принимала эфир из ладони, раскладывала его, анализировала и выдавала результат. И её результат зависел от того, что в неё входило.

Он не мог спрятать дар. Его уже увидели. Но печать…

Илья очень осторожно, почти незаметно, перекрыл поток из второго кольца. Как перекрывают кран. Там, внутри, под первым, снятым кольцом, лежали шесть других — тяжёлых, неподвижных, спящих. Он не мог их снять. Но мог сделать так, чтобы сфера их не почувствовала. Чтобы для неё он был просто первой ступенью со странным даром. Без всякой печати.

Строчка над сферой дрогнула. «Печать: …» — и погасла.

Секретарь, не заметив ничего, записал: «Ступень первая. Дар: счётчик, класс особый. Зачислен в Кабинет редких даров по Высочайшему повелению».

— Следующий! — крикнул он.

Илья убрал руку со сферы и пошёл к выходу.

Но у самой двери он обернулся.

Счётчик старшего курса смотрел ему вслед. Не моргая. Тетрадь лежала у него на коленях раскрытой, и Илья, со своего места, мог разглядеть только одно: последняя запись была подчёркнута двумя чертами.

А проректор Скворцов, полный, с моноклем, задумчиво постукивал пальцем по столу. Фиолетово-чёрная нить, тя-

нувшаяся от него в глубину острова, едва заметно вибрировала.

Как струна, которую только что дёрнули.

Вечером, в комнате Восточного корпуса, Илья распаковывал вещи. Марк проверял окна, двери, половицы, вентиляцию — молча, методично, как проверял, наверное, каждое место, где ему когда-либо приходилось ночевать. Рыжая обнюхивала углы.

— Чисто, — сказал наконец Марк. — Ни глаз, ни ушей. Пока.

— Пока, — согласился Илья.

Он сел за стол и открыл тетрадь. Новую, купленную в губернии специально для столицы. На первой странице вывел аккуратным почерком — тем самым, которым дед вёл книги Алтаря:

«Императорская Академия эфирных искусств. Ревизия. День первый.

Хранилище: 41 200 000 мер. Заявленный запас — неизвестен.

Проректор Скворцов — связь с попечителем. Проверить.

Счётчик старшего курса. Записывает дары абитуриентов. Для кого? Проверить.

Ректор Ферзен — изолирован. Почему? Проверить».

Он подумал и дописал внизу:

«Вопрос: сколько стоило Академии тридцать лет назад

сделать так, чтобы мой прадед замолчал?»

За окном светился Петрополь. Сорок два Алтаря. Хранилище на сорок один миллион. И где-то в глубине острова, в покоях, куда не пускали студентов, человек без цифр, наверное, тоже сидел над бумагами.

И тоже считал.

Глава 2. Кабинет редких даров

Кабинет редких даров занимал третий этаж Восточного корпуса — длинный коридор с высокими окнами на реку и двенадцатью дверями. За каждой дверью жил студент, которого Академия не выбирала. Которого ей прислали.

На первом общем собрании их оказалось одиннадцать. Двенадцатая дверь, в самом конце коридора, была заперта, и на ней висела табличка без имени.

— Освободилась в прошлом месяце, — шёпотом сказал Илье сосед по скамье. — Студент Ивашкевич. Дар — слышал эфир, как музыку. Отчислен по здоровью.

— Что с ним случилось?

— Говорят, сорвался на практикуме. Ядро выгорело. Увезли домой, в Витебскую губернию. — Сосед помолчал. — Говорят. Никто не видел, как увозили.

Соседа звали Арсений Ланской. Девятнадцать лет, сын отставного генерала, светловолосый, улыбчивый, с ямочками на щеках и манерой говорить так, будто всё на свете — забавное приключение. Над ним висело: «Ступень третья. Дар: эхо». Илья уже знал, что это значит: Арсений мог повторить любое заклинание, которое видел хоть раз. Слабее, чем оригинал, но точно.

— Удобно на экзаменах, — объяснил Арсений, ничуть не смущаясь. — Смотришь, как отвечает отличник, — и отве-

чаешь так же. Профессора бесятся. Доказать ничего не могут.

Илья решил, что Арсений ему нравится.

Собрание вёл проректор Скворцов.

Вблизи он оказался ещё полнее, чем издали. Розовый, гладкий, пахнущий дорогим одеколоном, с моноклем, который то и дело выпадал из глаза и повисал на шёлковом шнурке. Говорил он мягко, ласково, с отеческими интонациями, и улыбался почти беспрерывно.

Над ним горело: «Ступень пятая. Запас: 11 400 мер». И нити. Илья насчитал больше тридцати. К каждому из одиннадцати студентов. К преподавателям. К канцелярии. И одна — та самая, фиолетово-чёрная, холодная — вглубь острова.

— Дорогие мои, — ворковал Скворцов, — вы — особенные. Каждый из вас обладает даром, который встречается раз в поколение. Империя нуждается в вас. Империя заботится о вас. Поэтому для вас установлен особый порядок.

Особый порядок оказался длинным.

Студенты Кабинета не могли покидать остров без письменного разрешения проректора. Не могли переписываться с родными без просмотра писем канцелярией — «для вашей же безопасности, дорогие, редкие дары привлекают нехороших людей». Не могли записываться на общие курсы без согласования. И — это Скворцов произнёс особенно ласково — раз в неделю обязаны были проходить «изучение дара» в

Лаборатории.

— Совершенно безболезненно, — заверил он. — Небольшой замер. Чтобы мы могли лучше понимать вас. И лучше вас учить.

Кто-то из студентов, сидевших у окна, поёжился. Илья заметил это. Заметил, кто именно.

Девушка. Лет восемнадцати, очень худая, бледная, с гладко зачёсанными тёмными волосами и большими серыми глазами, в которых не было ничего, кроме усталости. Над ней: «Ступень вторая. Запас: 340 мер. Дар: правда». И ниже — то, что заставило Илью нахмуриться: «Истощение: хроническое».

Триста сорок мер у второй ступени. Это было очень мало. Это было как если бы взрослый человек весил тридцать килограммов.

— Вопросы? — Скворцов обвёл зал улыбкой.

Илья поднял руку.

— Горностаев, — проректор улыбнулся ещё шире. — Наша знаменитость. Слушаю, дорогой.

— Ваше превосходительство, а сколько эфира забирает замер?

Улыбка не исчезла. Но стала на волос неподвижнее.

— Забирает? Дорогой мой, замер ничего не забирает. Он измеряет.

— Простите. — Илья смотрел на него ясными глазами. — Я провинциал, многого не знаю. В нашем уезде мерники

обычно потребляют немного эфира из того, что измеряют. На собственную работу. Поэтому я и спросил.

В зале стало тихо. Скворцов смотрел на Илью — монокль вновь выпал из глаза и качался на шнурке.

— Совсем немного, — сказал он наконец. Мягко, всё так же ласково. — Ничтожно. Не стоит беспокоиться. Следующий вопрос?

Вопросов больше не было.

Когда собрание кончилось и студенты потянулись к выходу, худая девушка у окна прошла мимо Ильи. Не останавливаясь, не глядя на него, почти беззвучно сказала:

— Он солгал.

И ушла.

Первое «изучение дара» Илье назначили через три дня.

Эти три дня он потратил на то, что умел лучше всего. На учёт.

Академия, как выяснилось, жила по собственной экономике. У неё была своя валюта — «академические меры», или просто «ам». Каждый студент получал в начале месяца содержание: богатые — из родовых средств, переводимых через канцелярию, бедные и стипендиаты — от казны. Ам можно было тратить в столовой, в лавке, в библиотеке на платные абонементы, на дополнительные занятия, на аренду лабораторного оборудования. Почти всё в Академии стоило денег.

Содержание студентов Кабинета редких даров устанавливал лично проректор. И было оно, как Илья выяснил, сверив цифры с Арсением, ровно втрое меньше, чем у стипендиатов общего курса.

— Потому что нам «предоставляется особое попечение», — пожал плечами Арсений. — Комната, стол, учебники. Так в уставе написано. Я, правда, не заметил, чтобы нам что-то предоставлялось сверх того, что есть у всех. Но у меня отец генерал, он присылает.

— А у тех, у кого не присылают?

Арсений перестал улыбаться.

— У Лидии Севериной не присылают, — сказал он тихо. — Она сирота. Из Тверской губернии. Отец был мелким чиновником, умер, когда ей было двенадцать. Её дар нашли случайно — в приюте она сказала надзирательнице, что та врёт про деньги на дрова. И оказалось, что врёт. — Он помолчал. — Лидия здесь третий год. Ты видел её?

— Видел.

— Когда она поступила, она была… другой. Весёлой. Румяной. — Арсений отвёл глаза. — Её водят на изучение не раз в неделю. Два. Иногда три. Её дар очень интересует Скворцова.

Илья ничего не сказал. Только записал в тетрадь: «Северина Л. — 2 ступень, запас 340, хроническое истощение. Изучение 2–3 раза в неделю. Содержание — 1/3 от стипендиатского. Связь?»

И подчеркнул «Связь?» двумя чертами.

Лаборатория изучения даров находилась в подвале Восточного корпуса. Илья спускался туда в сопровождении служителя — молчаливого старика в сером. Марка не пустили. «Студенты Кабинета проходят изучение без сопровождения». Рыжую, разумеется, тоже.

Подвал был чистым, светлым, облицованным белой плиткой. Длинный коридор, двери по обе стороны. За одной из дверей — кресло. Удобное, кожаное, с подлокотниками. Над креслом — сложная конструкция из латуни и хрусталя, похожая на огромного паука. От неё тянулись трубки и провода — в стену, в пол, куда-то вглубь.

У кресла стоял тот самый счётчик старшего курса. Худой, бледный, с тетрадью в руках. Вблизи Илья разглядел его лучше: светлые, почти белые ресницы, тонкие губы, нервные пальцы с обкусанными ногтями. Над ним: «Ступень третья. Дар: счётчик. Запас: 2 100 мер». И нить. Одна. Толстая, тёмная, натянутая, как поводок. К Скворцову.

— Аркадий Зотов, — представился он без улыбки. — Ассистент Лаборатории. Садитесь, Горностаев.

Илья сел.

Зотов опустил «паука» над его головой. Латунные лапы мягко коснулись висков, плеч, запястий. Холодные.

— Расслабьтесь, — сказал Зотов. — Это займёт четверть часа.

Он повернул рычаг на стене.

И Илья почувствовал, как из него потекло.

Не резко, не больно. Медленно. Ровно. Как вода из бочки через узкую трубку. Его эфир — тот, что накопился за последние недели в развернувшемся ядре, — потянулся к латунным лапам, поднялся по ним в хрустальную голову «паука» и ушёл в трубки. В стену. В пол.

Илья смотрел на цифры над собой. «Запас: 640 мер… 620… 600…»

Он не дёрнулся. Не закричал. Не сказал ни слова. Он сидел в удобном кожаном кресле, расслабленно положив руки на подлокотники, — и смотрел на трубки.

Своим вторым зрением он видел, куда уходит его эфир. Не в измерительный прибор. Не в накопитель для анализа. Трубки уходили в пол, в толщу гранита, вниз, вниз, всё глубже, и сливались там с другими трубками — десятками трубок, тянущимися из всех комнат Лаборатории, — в один толстый поток.

Поток шёл на запад. Под остров. В самое сердце острова.

В Хранилище.

«Запас: 520… 500… 480…»

Четверть часа. Илья молча считал. Когда Зотов наконец повернул рычаг обратно и латунные лапы отпустили его, над Ильёй горело: «Запас: 410 мер».

Двести тридцать мер за четверть часа. Больше трети всего запаса.

«Ничтожно», — сказал Скворцов.

— Свободны, Горностаев, — сказал Зотов, записывая что-то в тетрадь. — Следующее изучение — через неделю. Может быть, раньше, если проректор сочтёт нужным.

Илья встал. Ноги немного дрожали — не от слабости, от злости, которую он держал в кулаке, как держат раскалённый уголь.

У двери он остановился. Обернулся.

— Зотов. Вы ведь видите то же, что и я?

Ассистент поднял голову. Белые ресницы дрогнули.

— Не понимаю, о чём вы.

— Понимаете, — сказал Илья. — Вы счётчик. Вы видите, сколько уходит. Вы видите, куда уходит. И вы каждый день поворачиваете этот рычаг.

Зотов долго смотрел на него. Над ним мигали цифры. И нить к Скворцову — толстая, тёмная — натянулась так, что, казалось, вот-вот зазвенит.

— Идите, Горностаев, — сказал он наконец очень тихо. — И не задавайте вопросов, на которые не хотите получить ответ.

Вечером Илья сидел у себя в комнате и писал. Марк стоял у окна. Рыжая лежала у двери.

Он пересчитал всё, что знал.

Одиннадцать студентов Кабинета. В среднем по двести мер за изучение. Раз в неделю — минимум. Некоторых —

чаще. Лидию Северину — до трёх раз.

А общий курс? Илья ещё не знал, проходят ли студенты общего курса «изучение». Но Арсений обмолвился, что «замеры» бывают у всех. Раз в месяц. «Для зачёта по практикуму».

В Академии училось восемьсот студентов.

Он считал долго. Потом отложил карандаш.

— Марк, — сказал он. — Как ты думаешь, сколько эфира нужно, чтобы держать в рабочем состоянии Хранилище на сорок один миллион мер?

Бывший «Ворон» пожал плечами.

— Не знаю. Я не артефактор.

— Я тоже. Но я знаю другое. — Илья положил ладонь на тетрадь. — Хранилище Академии — это казённое имущество. Его пополняют из казны. На это каждый год выделяются деньги. Это записано в бюджете империи. — Он помолчал. — А теперь выясняется, что его пополняют ещё и из студентов. Бесплатно. Под видом «изучения».

— И что это значит?

Илья посмотрел в окно, на остров, в глубине которого светилось Хранилище.

— Это значит, что где-то здесь есть две ведомости, Марк. Одна — для казны: сколько денег выделено на пополнение Хранилища. Другая — настоящая: сколько эфира на самом деле пришло. Из казны. И из нас. — Он закрыл тетрадь. — И разница между ними куда-то уходит.

Марк долго молчал.

— Твой прадед, — сказал он наконец, — нашёл здесь два миллиона.

— Тридцать лет назад, — кивнул Илья. — Тогда здесь училось четыреста студентов. А сейчас — восемьсот.

Глава 3. Человек без цифр

Приглашение пришло на исходе первой недели. Не письмо — визитная карточка. Плотная, чёрная, с серебряным обрезом, на которой было напечатано одно имя: «Князь Вадим Андреевич Тарханов». И от руки, тонким острым почерком: «Завтра, в пять. Западный флигель. Чай».

Карточку принёс служитель в сером, тот самый молчаливый старик из Лаборатории. Отдал, поклонился и ушёл, не дожидаясь ответа. Ответа, видимо, не предполагалось.

— Не ходи, — сказал Марк.

— Не могу не пойти, — сказал Илья. — Он попечитель. Отказ — это вызов. А я пока не готов к вызову.

— А к чаю готов?

Илья подумал.

— К чаю — да.

Западный флигель стоял на самой оконечности острова, отделённый от остальных корпусов садом и чугунной оградой. Двухэтажный особняк из тёмного камня, с узкими высокими окнами. В отличие от других зданий Академии, над ним не было видно ни одного эфирного светильника. Окна светились жёлтым, обычным, свечным светом.

Илья, проходя через сад, посмотрел на флигель вторым зрением.

И ничего не увидел.

Не темноту — пустоту. Так, как было с «Вороном» на лесной дороге, только во много раз больше. Целое здание, на месте которого эфирный мир просто обрывался. Будто кто-то вырезал кусок реальности и аккуратно заклеил дыру куском чёрной бумаги.

Вокруг пустоты потоки эфира от соседних корпусов чуть заметно изгибались. Огибали её. Или — Илья присмотрелся внимательнее — не огибали. Втягивались. Едва-едва, на самом краю восприятия. Как вода, которая медленно закручивается вокруг слива.

Дверь открыл лакей. Проводил наверх, в кабинет.

Кабинет был большим и почти пустым. Книжные шкафы до потолка. Камин, в котором горели настоящие дрова. Два кресла у огня. Столик с чайным прибором. И окно во всю стену, за которым лежала река и огни Петрополя.

У окна стоял человек.

Высокий, очень прямой, в чёрном сюртуке без единого украшения. Седые волосы, остриженные коротко, по-военному. Узкое лицо с резкими чертами, которое было бы красивым, если бы в нём было хоть что-то тёплое. Ему могло быть пятьдесят. Могло быть семьдесят. По лицу определить было невозможно.

Над ним не было ничего.

Ни ступени. Ни запаса. Ни одной нити. Илья смотрел, напрягая второе зрение до боли в висках, и видел только пу-

стоту в форме человека.

Нет. Не совсем.

На безымянном пальце левой руки у князя было кольцо. Простое, серебряное, с тусклым серым камнем. И над этим камнем — только над ним — горела одна-единственная крошечная строчка:

«Фрагмент: Первоисточник рода Ладомирских. Остаток: 3%».

— Илья Всеволодович, — сказал князь, оборачиваясь. Голос у него был негромкий, глубокий, с лёгкой хрипотцой. — Благодарю, что пришли. Садитесь. Чай остывает.

Они пили чай. Говорили о погоде. О дороге из губернии. О Верхнеясенске, о котором князь, к удивлению Ильи, знал удивительно много — даже имя трактира «Три пескаря». О Божьем суде.

— Сорок пять уколов, — сказал Тарханов, помешивая чай серебряной ложечкой. — Я читал отчёт Немирова. Изящно. Очень изящно. Половина моих профессоров не поверила, что такое возможно. Они до сих пор считают, что «Кабаний щит» нельзя победить мелочью. — Он поднял глаза. — Вы знаете, что это самое трудное? Не придумать решение. А заставить людей поверить, что оно существует.

— Мне кажется, — сказал Илья, — люди обычно верят в решение, когда видят результат.

— Люди верят в то, что им выгодно. — Князь отпил чай.

— Результат — лишь повод.

Илья промолчал.

Тарханов поставил чашку. Сложил длинные пальцы домиком.

— Я знал вашего прадеда, — сказал он. — Кирилла Горностаева. Вы ведь знаете об этом?

— Ревизор Немиров упоминал.

— Немиров. — Князь чуть улыбнулся. Одними губами. — Хороший чиновник. Упрямый. Шесть лет пишет на меня докладные, и ни одна не дошла дальше канцелярии его начальника. — Он посмотрел Илье в глаза. — Вы, наверное, удивлены, что я это знаю.

— Нет, ваша светлость. Удивлён, что вы мне это говорите.

Тарханов засмеялся. Коротко, сухо, но, кажется, искренне.

— Вот. Вот поэтому я и хотел с вами поговорить. — Он откинулся на спинку кресла. — Ваш прадед, Илья Всеволодович, был лучшим счётчиком, которого видела империя. Я был тогда молод. Совсем мальчишка, чуть старше вас. Студент. Я ходил на его лекции в Палате мер и весов. Он учил нас видеть. Не просто цифры — систему. Как всё связано. Как всё течёт.

— Он учил вас? — переспросил Илья.

— Он учил меня, — кивнул князь. — Я был лучшим его учеником. А потом он увидел то, что не должен был видеть. И не смог промолчать. Он был честным человеком, ваш пра-

дед. Это делало его великим счётчиком. — Князь помолчал. — И очень плохим политиком.

Огонь в камине потрескивал. За окном горел город.

— Его карета сорвалась с моста, — сказал Илья ровно.

— Я знаю. Это была большая потеря для империи. — Ни один мускул не дрогнул на лице Тарханова. — Я до сих пор об этом сожалею.

И Илья понял, что это правда. Не потому, что увидел — над князем не было ничего, что можно увидеть. А потому, что услышал. Так, как слышал за двадцать лет сотни финансовых директоров, которые объясняли, почему им пришлось уволить честного бухгалтера.

Они всегда сожалели. Искренне. И всегда делали это снова.

— Я хочу предложить вам кое-что, — сказал наконец Тарханов.

— Слушаю, ваша светлость.

— При Академии есть Особая комиссия. Она занимается учётом эфира, распределением ресурсов, анализом даров. Работа тонкая, скучная, но очень важная. — Князь сделал паузу. — Мне нужен человек, который умеет считать. Не просто умеет — видит. Как вы.

— У вас есть Зотов.

— Зотов… — Князь чуть поморщился. — Зотов талантлив, но сломан. Ему не хватает… смелости. Он видит, но

боится понимать. А вы, мне кажется, ничего не боитесь. — Он подался вперёд. — Работа в комиссии освободит вас от изучения дара. Даст доступ к библиотеке закрытого фонда. Содержание, как у ассистента профессора. Покровительство попечителя.

— И доступ к ведомостям Хранилища, — сказал Илья.

Пауза.

— И к ним тоже, — согласился Тарханов. Спокойно. Без малейшего колебания.

Илья смотрел на него. На пустоту над ним. На кольцо с серым камнем, на крошечную строчку «Остаток: 3%».

Это была ловушка. Он понял это с первых слов. Красивая, щедрая, профессиональная ловушка. Работать в комиссии — значит работать на Тарханова. Видеть ведомости — значит видеть только те ведомости, которые тебе покажут. Получать содержание и покровительство — значит быть должным.

Зотов, вероятно, когда-то тоже получил такое предложение.

— Благодарю, ваша светлость, — сказал Илья. — Это большая честь. Но я только начал учиться. Я провинциал, я многого не знаю. Мне кажется, мне рано браться за такую работу. Может быть, через год…

Тарханов долго молчал. Смотрел на него. Илья выдерживал этот взгляд, хотя под ним хотелось отвернуться.

— Через год, — повторил наконец князь. — Хорошо. Я

подожду. — Он снова откинулся в кресле. — Но вы ведь пришли не только отказаться, правда? У вас есть просьба.

Илья помедлил. Он действительно собирался попросить. И понимал, что любая просьба к этому человеку — это долг. Но промолчать было нельзя.

— Есть, ваша светлость. Лидия Северина. Студентка Кабинета. Её водят на изучение до трёх раз в неделю. Она истощена. Ещё полгода — и её ядро выгорит. Как у Ивашкевича.

Тарханов не изменился в лице.

— Вы следите за здоровьем однокурсников?

— Я вижу цифры, ваша светлость. Её цифры — плохие.

Князь помолчал. Потом протянул руку к столику, взял маленький серебряный колокольчик и позвонил. В дверях немедленно появился лакей.

— Передайте проректору Скворцову, — сказал Тарханов, не оборачиваясь, — что студентке Севериной впредь назначается изучение не чаще одного раза в две недели. И что ей полагается усиленное питание. За счёт попечительского фонда.

Лакей поклонился и исчез.

Вот так. Одной фразой. Без колебаний, без вопросов, без малейшего усилия.

— Благодарю, ваша светлость, — сказал Илья.

— Не стоит. — Князь улыбнулся. Впервые за весь разговор — по-настоящему. И от этой улыбки в комнате, кажется, стало холоднее. — Мы ведь с вами оба любим точный счёт,

Илья Всеволодович. Я просто запишу это. В графу «долги».

Илья поставил чашку на стол. Встал. Поклонился.

— Я тоже запишу, ваша светлость, — сказал он. — Я всё записываю.

Выйдя из флигеля, он долго стоял в саду, у чугунной ограды. Дышал морозным воздухом. Руки у него дрожали — первый раз за всё время в столице.

Марк вышел из тени у ворот, где ждал его всё это время.

— Ну?

— Он не пустой, Марк. — Илья смотрел на тёмный флигель, на пустоту, в которую едва заметно втягивались потоки эфира. — Он прячется. За осколком чужого Первоисточника. Рода Ладомирских. Ты слышал о таком роде?

Марк помолчал.

— Слышал. Старый род. Смоленский. Пресёкся лет тридцать назад. Все погибли. Пожар в родовом поместье. — Бывший «Ворон» помолчал ещё. — В обители рассказывали эту историю. Как пример чистой работы.

Илья кивнул. Он почему-то не удивился.

— У него на пальце осколок их Источника. Три процента остатка. Он прячется за ним, как за щитом. И, кажется, питается от него. — Илья повернулся к Марку. — Три процента, Марк. Он почти всё израсходовал. За тридцать лет.

— И что это значит?

— Это значит, что ему нужен новый Источник. — Илья

посмотрел на запад, туда, где за сотнями вёрст лежала Ясенская гряда. — Скоро. Очень скоро. Ему нужен наш.

Глава 4. Правда и рычаг

Лидия Северина нашла его сама. На следующий день после чая у попечителя, в библиотеке, в дальнем углу между стеллажами с имперскими уложениями, где Илья проводил всё свободное время.

Она села напротив, положила на стол раскрытую книгу — для вида — и долго смотрела на него большими серыми глазами.

Над ней горело: «Запас: 360 мер». На двадцать больше, чем неделю назад. Усиленное питание за счёт попечительского фонда начало действовать.

— Мне сократили изучение, — сказала она наконец. Тихо, почти беззвучно. — Сегодня утром. Скворцов вызвал меня и сказал, что по личному распоряжению попечителя. И что я должна благодарить вас.

— Не должны.

— Я знаю, что не должна. — Она не отводила взгляда. — Я хочу знать, зачем вы это сделали.

Илья подумал. Он мог сказать много чего. Что ему было её жаль. Что он не терпит, когда людей используют как батарейки. Что он хотел проверить, на что способен Тарханов.

Но перед ним сидел человек, дар которого — видеть ложь. И любая из этих фраз была бы правдой только наполовину.

— Потому что я увидел ваши цифры, — сказал он. — И

мне стало страшно. За вас. И за себя — потому что следующим мог быть я. И ещё потому, что мне нужны союзники. А союзник с выгоревшим ядром — это не союзник.

Лидия смотрела на него. Её зрачки чуть расширились, потом сузились.

— Это правда, — сказала она медленно. — Всё. Даже последнее. — Она помолчала. — Обычно люди, когда хотят понравиться, говорят только первое. Про жалость. И я вижу, что это — трещина.

— Трещина?

— Ложь звучит с трещиной. Как надтреснутый колокол. — Лидия пожала плечами. — Я это слышу с детства. Не знаю, как объяснить. Человек говорит, а в голосе — звон. Неправильный.

— А в голосе Скворцова?

Лидия впервые за весь разговор чуть-чуть улыбнулась. Бледно, едва заметно.

— Скворцов — это колокольня, в которой все колокола треснули. Я не могу находиться с ним в одной комнате дольше пяти минут. У меня голова начинает болеть.

— А попечитель?

Улыбка исчезла.

— Я его ни разу не слышала, — сказала она. — Он ни разу со мной не говорил. Но… — Она замялась. — Когда он проходит мимо, у меня в ушах становится тихо. Совсем тихо. Как будто я оглохла. Как будто там, где он идёт, нет ни

правды, ни лжи. Ничего.

Илья кивнул. Это совпадало с тем, что видел он сам.

— Лидия, — сказал он. — Вы три года в Кабинете. Вы видели многое. Слышали многое. Мне нужно знать всё, что вы знаете. Про Лабораторию. Про изучение. Про студентов, которых отчислили. Про Ивашкевича.

Она долго молчала. Потом закрыла свою книгу.

— Не здесь, — сказала она. — У стен Академии есть уши. Завтра. В оранжерее Северного корпуса, после обеда. Там всегда много народу, и никто не обращает внимания.

Она встала. У стеллажа обернулась.

— Горностаев. Будьте осторожны с Зотовым.

— Он работает на Скворцова.

— Он работает на Скворцова, — согласилась Лидия. — Но это не главное. Главное — что он очень, очень несчастен. А несчастные люди опаснее злых. Злые хотя бы знают, чего хотят.

Зотова Илья выследил в ту же ночь.

Он не собирался этого делать. Просто не мог уснуть, вышел в коридор — и увидел в окне, как по дорожке к грузовому мосту быстро идёт худая фигура в студенческой шинели, с белыми, светящимися в свете фонаря волосами.

Илья накинул шинель и пошёл следом. Марк, разумеется, пошёл тоже — на десять шагов позади, беззвучно, как тень.

Зотов дошёл до грузового моста. Остановился у перил над

чёрной водой. Достал из-за пазухи конверт. Долго держал его в руках, глядя на реку.

Над ним горели цифры. И нити. Толстая, тёмная — к Скворцову. И ещё одна, которую Илья в Лаборатории не разглядел. Тонкая, серая, тусклая. Долговая. Уходящая куда-то на юг, за реку, в город.

— Если вы его бросите в реку, — сказал Илья, подходя, — оно не дойдёт.

Зотов вздрогнул так, что едва не выронил конверт. Обернулся. Лицо у него было белее волос.

— Вы… Что вы здесь делаете?

— Гуляю. — Илья встал рядом, облокотился на перила. — А вы?

Зотов молчал. Конверт в его руке дрожал.

— Письма студентов Кабинета просматривает канцелярия, — сказал Илья. — Поэтому вы хотели передать его с грузовой баржей. Мимо канцелярии. Но баржи сегодня нет. И вы стоите здесь уже десять минут и думаете, не бросить ли его в воду.

— Откуда вы…

— Я счётчик, Зотов. Как и вы. Я вижу, когда человек колеблется. У вас запас скачет туда-сюда, как курс на бирже во время паники.

Зотов посмотрел на него долгим, затравленным взглядом. Потом медленно сложил конверт пополам и убрал обратно за пазуху.

— Чего вы хотите, Горностаев?

— Понять. Вы видите то же, что и я. Вы каждый день поворачиваете рычаг, который выкачивает из людей силу и сливает её в Хранилище. Вы не злой человек — у вас в Лаборатории дрожат руки. Значит, у вас есть причина. — Илья помолчал. — У вас долговая нить, Зотов. Куда она ведёт?

Зотов долго смотрел на воду.

— В Попечительский заёмный фонд, — сказал он наконец очень тихо. — Благотворительное учреждение при Академии. Даёт ссуды дворянским семьям в трудном положении. Под залог имения. — Он горько усмехнулся. — Мой отец взял там ссуду восемь лет назад. Неурожай, долги, мать болела. Фонд дал. Без вопросов, быстро, очень щедро. А через год отец умер. И выяснилось, что по договору долг переходит на наследника. С процентами. Со штрафами за просрочку.

— Сколько?

— Было четыре тысячи. Сейчас — двадцать две.

Илья присвистнул.

— Это не проценты. Это грабёж.

— Это договор. Подписанный отцом. Заверенный нотариусом. — Зотов сжал перила побелевшими пальцами. — Когда я поступил в Академию и у меня нашли дар, Скворцов вызвал меня и сказал: Фонд готов не требовать долг. Пока я работаю в Лаборатории. Как только перестану — имение продадут с торгов. А моя мать и две сестры окажутся на улице.

Он замолчал. Над ним мигали цифры. Запас падал, медленно, — не от траты, от горя.

— Пять лет, — сказал он. — Пять лет я поворачиваю этот рычаг. Я вижу, как они выходят из кресла — бледные, слабые, с трясущимися руками. Я записываю цифры в тетрадь и отдаю Скворцову. Я вижу, куда течёт эфир. Я знаю, что это неправильно. — Он повернулся к Илье, и глаза у него были мокрые. — Но у меня мать, Горностаев. И сёстры. Младшей двенадцать.

Илья долго молчал.

— Ивашкевич, — сказал он наконец. — Что с ним случилось на самом деле?

Зотов закрыл глаза.

— Его не отчисляли. Его не увозили в Витебскую губернию. — Голос у него был мёртвым. — Его ядро выгорело в кресле. На шестом изучении за неделю. Скворцов сказал: «Ещё пять минут, он выдержит». Он не выдержал. — Зотов помолчал. — Тело увезли ночью. По этому мосту. Я видел.

Река внизу текла чёрная, тяжёлая, медленная.

— Зотов, — сказал Илья. — Покажите мне договор вашего отца.

— Зачем?

— Затем, что я два месяца назад разобрал договор, по которому меня хотели лишить шахты. В нём был кабальный пункт, который превращал продажу шахты в продажу всего имения. — Илья повернулся к нему. — Договоры, по кото-

рым четыре тысячи за восемь лет превращаются в двадцать две, почти никогда не бывают чистыми. Где-то есть ошибка. Неправильная ставка. Незаконный штраф. Подпись, поставленная задним числом. Пункт, противоречащий уложению о дворянских займах. — Он помолчал. — Я найду её.

Зотов смотрел на него так, будто Илья сказал что-то на незнакомом языке.

— Вы с ума сошли, — прошептал он. — Фонд — это попечитель. Если вы пойдёте против Фонда…

— Я не пойду против Фонда. Я просто прочитаю договор. Чтение договоров пока ещё не запрещено уставом Академии. — Илья протянул руку. — Принесите мне копию. Завтра. И письмо, которое у вас за пазухой, тоже дайте. Оно дойдёт. У меня есть способ.

Способ у него был. Вера Арсеньева, студентка общего курса, чьи письма канцелярия не просматривала. И её тётка в лиловом, которая каждую неделю ездила в город к портнихе.

Зотов долго смотрел на протянутую руку. Потом медленно, будто во сне, достал из-за пазухи конверт и отдал.

— Это матери, — сказал он. — Я не писал ей три месяца. Боялся, что прочитают.

— Дойдёт, — повторил Илья.

На следующий день в оранжерее Северного корпуса, среди пальм в кадках и цветущих в декабре эфирных орхидей, собралось четверо.

Илья. Лидия Северина — бледная, но держащаяся прямо. Арсений Ланской, который случайно увидел, как Илья с Лидией идут в оранжерею, и «не мог же он оставить друга одного с такой опасной девицей, которая видит его насквозь». И Вера Арсеньева, которая пришла с корзинкой пирожков, якобы на прогулку, и которой Илья ещё вчера через тётку передал записку.

Они сидели на скамье под огромным фикусом и говорили тихо.

— Значит, так, — сказал Илья, когда все рассказали, что знали. — Что у нас есть. Лаборатория выкачивает эфир из студентов в Хранилище. Это мы знаем точно. Хранилище пополняется ещё и из казны — это записано в бюджете. Где-то есть разница. Её нужно найти. — Он загибал пальцы. — Фонд даёт ссуды дворянским семьям и превращает их детей в должников Академии. Это второе. Зотов — не единственный. Лидия, вы знаете, сколько ещё студентов в таком положении?

— Не знаю точно, — тихо сказала Лидия. — Но я слышу. Когда я прохожу по коридорам Кабинета… половина говорит о деньгах с трещиной. Половина боится.

— Третье. Столовая. — Илья достал тетрадь. — Я третий день сверяю, что нам дают, с меню, которое вывешивают в канцелярии. В меню — мясо каждый день. На тарелке — дважды в неделю. В меню — масло к завтраку. На столе — маргарин. Здесь тоже есть разница.

Арсений рассмеялся.

— Илья, ты собираешься воевать с попечителем через котлеты?

— Именно, — серьёзно сказал Илья. — Котлеты — это самое простое. Котлеты видят все. Если я докажу, что воруют на котлетах, — студенты поверят, что воруют и на остальном. А если студенты поверят, — у нас будет восемьсот свидетелей вместо четырёх.

Вера смотрела на него поверх корзинки с пирожками.

— А если попечитель решит, что ты слишком много считаешь?

— Тогда, — сказал Илья, — он должен будет сделать это открыто. А открыто он пока не готов. Он предложил мне место в комиссии. Он хочет меня купить, а не убить. Пока. — Он закрыл тетрадь. — У нас есть время, пока он считает, что я покупаюсь.

Лидия вдруг вздрогнула и чуть повернула голову к входу в оранжерею.

— Кто-то идёт, — сказала она шёпотом. — И он думает о нас. Я слышу… Не ложь. Слежку. У людей, которые следят, голос особенный. Натянутый.

Илья посмотрел на вход. Между пальмами мелькнула студенческая шинель. Над ней — «Ступень вторая». И нить. Короткая, тугая, к Скворцову.

— Расходимся, — сказал Илья вполголоса. — По одному. Вера — к выходу, с пирожками, громко смеясь. Арсений —

с ней. Лидия — к орхидеям, будто изучаете. Я — последний.

Они разошлись. Вера засмеялась звонко и беззаботно — как светская барышня, которой нет никакого дела ни до чего, кроме пирожков. Арсений подхватил её под руку.

Илья остался сидеть под фикусом, с тетрадью на коленях.

Студент со второй ступенью прошёл мимо, бросил на него взгляд и скрылся за пальмами.

«Ревизия. День восьмой, — записал Илья. — За нами следят. Значит, мы на правильном пути».

Глава 5. Котлеты

— Восемьсот порций, — сказал Илья. — Каждый день, трижды в день. Это две тысячи четыреста тарелок. Если на каждой тарелке недодают хотя бы на копейку, — это двадцать четыре рубля в день. Семьсот в месяц. Восемь с половиной тысяч в год.

Арсений, сидевший на подоконнике, перестал жевать пирожок.

— Восемь тысяч? На котлетах?

— Если на копейку. А недодают не на копейку. — Илья развернул на столе лист. — Смотрите. Это смета столовой. Её вывешивают в канцелярии каждый месяц, по уставу, чтобы студенты знали, на что тратится их содержание. Её никто никогда не читает.

Смета была длинной, мелкой, написанной казённым почерком. Илья прочитал её трижды и разметил карандашом.

— Мясо говяжье — четыреста фунтов в день. Масло коровье — шестьдесят фунтов. Хлеб белый — восемьсот фунтов. Сахар. Чай. Крупы. — Он постучал пальцем по листу. — А теперь — что мы едим.

— Мы едим кашу, — мрачно сказал Арсений. — И то, что повар называет котлетой.

— Вот именно. Поэтому нам нужно знать точно. Не «кажется», не «говорят». Цифры.

Считать начали на следующее утро.

Илья не мог сделать это один. Восемьсот студентов, три зала, три раздачи. Но у него было то, чего не было ни у одного ревизора, которого видела Академия: студенты, которые хотели есть.

Вера взяла на себя Северный корпус — общий курс. К вечеру у неё было тридцать человек, каждый из которых согласился в течение недели записывать, что лежит у него на тарелке. Сколько. Чего. Какого качества.

Арсений взял на себя стипендиатов — самых бедных, самых голодных и самых злых. Генеральский сын, ни разу в жизни не голодавший, почему-то нравился людям, которые голодали всегда.

Лидия — Кабинет. Тихо, по одному, тем, кому можно было доверять. Она слышала, кому можно.

А Илья взял весы.

Весов в столовой не было. Но Арсений однажды видел, как профессор на практикуме по эфирной механике демонстрировал «малое заклинание взвешивания» — простенькое, на два слова, позволявшее определить вес предмета с точностью до золотника. Арсений повторил его. Потом научил Илью. Илья, у которого с заклинаниями было плохо, справился только с десятой попытки — но справился.

Всю неделю, за каждой едой, он тихо, под столом, взвешивал свою котлету. И записывал.

В субботу вечером они собрались в оранжерее.

— Смета, — сказал Илья, — говорит: четыреста фунтов мяса в день. По полфунта на студента. Реально — в среднем сто шестьдесят фунтов. Меньше половины. Масло: по смете — шестьдесят фунтов, реально — ноль. Маргарин. Хлеб: по смете — белый. Реально — пополам с ржаным. Сахар — вдвое меньше.

— А разница? — спросила Вера.

— Двенадцать тысяч триста рублей в год. Только по продуктам. Без учёта того, что продукты покупаются в полтора раза дороже рыночного. — Илья поднял глаза. — Я проверил. Сходил на Сенной рынок, с Марком. Поставщик Академии — Торговый дом Мясоедова. Мясо по контракту — тридцать две копейки фунт. На рынке — двадцать.

— Двенадцать тысяч, — повторил Арсений. — На котлетах.

— Двадцать, если с переплатой. Двадцать тысяч в год. Из денег, которые казна выделяет на наше содержание.

Лидия тихо сказала:

— Это ведь мелочь. По сравнению с Хранилищем.

— Мелочь, — согласился Илья. — Именно поэтому её никто не охраняет.

Затем он сделал вещь, которую не сделал бы ни один нормальный студент Академии.

Он не пошёл с жалобой к проректору. Не стал писать ано-

нимок. Он сел в библиотеке над Уставом Академии — толстым томом, который, судя по пыли на обрезе, последний раз открывали лет двадцать назад, — и нашёл статью восемьдесят седьмую.

«Студенты Академии в числе не менее одной трети от общего числа вправе обратиться с коллективным прошением о содержании, питании и иных бытовых нуждах непосредственно к ректору, минуя иные инстанции. Ректор обязан рассмотреть такое прошение в трёхдневный срок».

Минуя иные инстанции. То есть — минуя проректора Скворцова и Особую комиссию попечителя.

Одна треть от восьмисот — двести шестьдесят семь подписей. Они собрали триста сорок за два дня.

Прошение Илья писал сам. Коротко, сухо, без единого эмоционального слова. Таблица: смета — реально — разница. Цены по контракту — цены на рынке. Итог. Подписи. Ни одного обвинения. Ни одного имени. Только цифры.

В среду утром он лично отнёс его ректору.

Карл Иванович Ферзен принял его стоя у окна.

— Горностаев, — сказал ректор, не оборачиваясь. — Знаете, когда последний раз мне подавали прошение по статье восемьдесят седьмой?

— Нет, ваше превосходительство.

— Никогда. За четырнадцать лет моего ректорства — ни разу. — Он медленно повернулся. Глаза у него были живые,

цепкие и очень усталые. — Студенты не знают о ней. А те, кто знают, боятся. Прошение по восемьдесят седьмой — это обход проректора. А проректора обходить не принято.

— Я провинциал, ваше превосходительство. Прочитал устав и сделал, как там написано.

Ферзен хмыкнул — то ли засмеялся, то ли закашлялся.

— Провинциал. Конечно. — Он сел, пролистал прошение. — Таблицы. Цены с Сенного рынка. Взвешивание порций. Вы понимаете, что сделали мне подарок? Я четырнадцать лет сижу в этом кабинете. Последние восемь — как музейный экспонат. Решения принимает Особая комиссия. Бюджет утверждает попечитель. Мне приносят бумаги на подпись. — Он постучал по прошению. — А это адресовано мне. Лично. По уставу. И отвечать буду я.

Он взял перо.

«Назначить немедленную проверку хозяйственной части. Экономa Хрящева П. Ф. от должности отстранить. Контракт с Торговым домом Мясоедова приостановить. Проверку поручить секретарю ректора и двум представителям студентов по выбору подписавших. К. Ферзен».

— Если поручить проверку моему секретарю одному, — пояснил ректор, — через два дня его вызовет Скворцов и объяснит, что ничего не произошло. А если там будете вы, с вашим даром… Говорят, вы видите цифры?

— Вижу.

— Тогда идите и смотрите. У вас, думаю, есть дня два.

Потом проверку постараются закрыть. Успейте.

Они успели.

Эконом Пафнутий Хрящев — рыхлый, лысоватый, потеющий — встретил комиссию в своей конторе при кухне с таким видом, будто к нему пришли с топором. Секретарь ректора Ольшанский держал распоряжение перед собой, как щит. Вера Арсеньева, единогласно выбранная вторым представителем, держалась так, будто пришла с визитом.

Илья смотрел на книги.

Книг было две. Конечно, две. Одна — чистая, аккуратная, с ровными цифрами — лежала на столе. Вторая — потрёпанная, с загнутыми уголками — в нижнем ящике, под стопкой старых меню. Илья увидел её сразу: над ящиком, будто сноска к отчёту, висела строчка: «Расхождение с документом на столе: существенное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.